УДК 39
DOI:10.22162/2500-1523-2019-2-206-222

Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций)

Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября)[1]

Наталия Львовна Жуковская[1]

[1] Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. В статье публикуется дневник, который автор вела в период работы в Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Работа экспедиции началась в 1969 г., в дневнике освещаются события второй половины сентября 1969 г.

Ключевые слова: Монголия, Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция, 1969 год, дневник

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября). Монголоведение. 2019;(2): 206-222. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222.

[1]Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» (2018. № 3; 2019. № 1) [Жуковская 2018; Жуковская 2019].

UDC 39
DOI:10.22162/2500-1523-2019-2-206-222

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)

Diary of the Ethnography Research Team (Continuation: September 15–23)

Natalia L. Zhukovskaya[1]

[1] Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Abstract. The article publishes a diary kept by the author during the Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition. The expedition began its work in 1969, and the diary covers the events of the latter half of September.
Keywords: Mongolia, Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition, 1969, diary
For citation: Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuation: September, 15–23). Mongolian Studies. 2019;(2): 206-222. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-206-222.

15 сентября. Первую половину дня знакомились с работой опытной станции на Халхин-голе (ее монгольское название Эрдэм шинжилгээний туршалага станц — Объединенная научно-исследовательская опытная станция). Общая территория опытных участков — 2 730 га: пашня, сады, бахчи, огороды. При главном управлении станции находится исторический кабинет, в нем два отдела: военный (события 1939 года, фотографии монголов — ныне живых участников этих событий, письма от них, адресованные кабинету и станции) и современный (работа по освоению земель в долине Халхин-гола и результаты работы опытной станции).

Директор станции — Хучид, 35 лет, одноклассник Бадамхатана по улан-баторской школе, чахар, родом из Внутренней Монголии, бежал оттуда в 1945 г. один без родителей. Еще учась в школе, принял подданство МНР, потом окончил в Москве сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Станцию возглавляет со времени ее основания в 1960 г.

Когда-то в XIX в. здесь были пробные занятия земледелием, так что зерновые культуры уже были известны местному населению. Станция была создана в соответствии с планом освоения целинных земель. Теперь уже проделана большая работа по отбору сортов культур, наиболее подходящих к местным условиям. Растут неведомые ранее в Монголии подсолнечник, кукуруза, арбузы, соя, овощи. Сажают картошку, огурцы, лук, репу, красный перец, капусту, морковь, горох, пшеницу, рожь. Плодовые: яблоки (от смесей с дикими сортами до настоящих уже сложившихся цивилизованных сортов), арбузы (небольшие, размером с голову новорожденного). Хорошо прижилась черная смородина.

После осмотра кабинета нас принял директор станции, угощали продуктами собственного производства: соком черной смородины (вернее, домашней наливкой), арбузами, яблоками. Сидевший тут же зоотехник — выпускник Иркутского сельскохозяйственного института, агроном — учился в Ленинграде. Все хорошо говорят по-русски, очень скромные, гостеприимные. Единственный русский специалист-агроном, который работает на станции — Лазарь Ефимович Дорофеев. Жена его— повар в местной столовой при станции. Всего на станции работает около 30 специалистов с высшим образованием: агрономы, зоотехники, ветеринары. 20 человек без высшего образования. Итого: 50 научных работников. Еще 200 — обслуживающий персонал станции. Хозяйство станции комплексное: отделы плодоводства, овощеводства, пашни, скотоводства, экспериментальная лаборатория.

Станция обслуживает своей продукцией Дорнодский (Восточный) аймак и г. Чойбалсан. В продовольственном ларьке поселка при станции мы обнаружили капусту, яблоки, мед, арбузы (мед — 12 тугриков за кг).

На пути вдоль долины Халхин-гола в сомоне Халх-гол, в юртах недалеко от Их бурхана мы обнаруживали яблоки и капусту как

постоянный ассортимент питания населения. В юртах постоянно угощали яблоками, давали их нам в дорогу. Наряду с этим встречаются в юртах связки дикого лука, шампиньонов, висящих вдоль северной стены юрты. Над очагом сушатся куски сухого мяса.

Существует несколько планов освоения земель в долине Халхин-гола: советский, болгарский, собственно монгольский. Пока экспертные комиссии решают, что эффективнее, станция живет своей жизнью: они уже выявили свои сроки посева зерновых — они не соответствуют «хангайским» (тем, которые им были спущены сверху). Сейчас эти сроки таковы: между 20 мая и первыми числами июня.

Урожай, получаемый станцией, — 8–10 центнеров с гектара. Средний урожай по МНР — 6–7 центнеров с га. На опытных участках пашни станция получает до 20 центнеров с га. Скотоводство на станции также носит экспериментальный характер. Выводятся наиболее рентабельные в местных условиях породы скота. Все сады и пашни существуют в условиях местного климата без искусственного орошения, довольствуясь только природным количеством осадков.

Во второй половине дня выехали в Матад-сомон, решив заехать в Тамцаг-булак. Вдоль дороги тянулись заброшенные пашни. Они на высоких местах, поэтому, очевидно, выдувается верхний слой почвы и происходит ее эрозия. Это бывшие экспериментальные пашни опытной станции. Где-то часов в 5 вечера проехали Тамцаг-булак (монг. прекрасный, очаровательный, очевидно, «живительный ручей»).

Это бывший русский военный городок, существовавший в 1939–1945 гг., созданный в связи с событиями на Халхин-голе, позднее заброшенный. Десятка два одно- и двухэтажных домов. Окна выбиты, стекол почти нигде нет. В поселке живут только две монгольские семьи, которые обслуживают метеостанцию. Вид у заброшенного поселка удручающий. Земли кругом солончаковые, белые пятна соли на земле чередуются с красноватым кустарником. Сам «живительный ручей» в пересохшем состоянии. Правда, невдалеке от поселка есть источник, для удобства взятия из него воды заключенный в железную трубу.

В 1939 г. здесь был штаб армии Г. К. Жукова. Отряд Окладникова обнаружил в сохранившемся состоянии его бывший сортир, когда копал в полукилометре от Тамцаг-булака несколько неолитических стоянок. Их заели комары, и стоянки остались недокопанными. Проехав 60 км от Тамцаг-булака, мы встали на ночлег в степи.

16 сентября. Утром обнаружилась пропажа крышки от бензобака. Шофер Миша, Бадамхатан и Лубсан поехали ее искать по нашему вчерашнему маршруту до места последнего обеда. В довершение по дороге встретили стадо дзеренов в несколько сотен голов, гонялись за ним, но, естественно, безрезультатно. Вернулись в полдень, не только не найдя крышки, но даже заплутав где-то на пути к Тамцаг-булаку, проездив понапрасну 140 км.

Утерянную крышку заменили куском брезента и тронулись дальше в путь. Минут через 5 оказались возле соленого озера Сангийн-далай-нур. Тут же солеварня (заброшенная) и кучи соли прямо на земле.

Узнав дорогу на Матад-сомон, поехали туда без остановок. Прибыли часов в пять. Никакого сомонного начальства в конторе не оказалось. Викторова и я устроились в гостиницу. Молодёжь встала лагерем в 200 метрах позади гостиницы.

Водитель Миша накормил нас ужином. В местной пекарне купили даже еще теплый и мягкий хлеб, с удовольствием его поели. Легли спать, а в 10 вечера под окнами остановился отряд Окладникова. Начался шум-гам, радость встречи. Пришлось вставать, доставать этой голодной ораве хлеб из машины. Они поставили свой лагерь недалеко от нашего.

17 сентября. Утром отряд Окладникова отбыл в Барун-урт — центр Сухэ-Баторского аймака. С ним вместе уехали наш шофер с машиной, Лубсан и Викторова, чтобы запаять протекший бензобак и запастись бензином на дальнейшую дорогу.

В сомоне остались Бадамхатан, Жанлав и Цэрэннадмид. После обеда пошли к информатору — Олдзийбаяру, 80 лет, род шарнод, халха. В эти места когда-то прибыл его дед. Его молодость и жизнь прошли в этих краях.

Расспрашиваю его про местные достопримечательности. Главное хошунное обо называлось Матад-хан. Хошун был кочевой, по-

стоянного центра не имел. Главный монастырь хошуна — Чойнхор-равжалин.

Далха-ван — имя «хозяина» Матад-обо. Ездил на 9 белых конях, в руках держал натянутые лук и стрелу и носил одежду черного цвета, имел большую бороду и усы — он это знает по изображению, которое находилось на обо.

«Хозяин» обо Далха-ван — небожитель, спустившийся на землю. Об этом написано в книге «Сударь Далха-ван».

Раз в год 20-го числа среднего лунного месяца лета проводили праздник почитания Матад-обо. Участвовали только ламы из хошунного монастыря. Для праздника готовили мясо двухлетних барашков, которых забивали у подножия горы, а на гору приносили уже разделанное мясо. Женщинам до 18 лет разрешалось подниматься на гору; тем, кто старше, — уже нет. На остальные горы — то же самое.

Хошун имел 23 обо по своим окраинам, которые служили одновременно пограничными вехами хошуна. Их обслуживали ламы четырех хошунных монастырей. Самому старому из них было около 200 лет, остальные были построены примерно в середине XIX в.

Род шарнод имел свое *обо* — одно из тех 23, которые имелись в хошуне. Родовое обо отмечалось после хошунного в конце среднего летнего месяца, т. е. июля.

Другие роды своих обо не имели. Родовое обо шарнод находилось на территории другого хошуна, так как там жила основная масса представителей рода шарнод. Было ли там родовое кладбище шарнод, не знает, так как сам в тех местах не жил. Есть ли при других обо родовые кладбища, не знает. Обо хошунное возникло одновременно с образованием хошуна в 1690 г. — тогда оно и было впервые освящено. Почиталась ли эта гора раньше, до ламаистского освящения, не знает. Как он слышал, основное население этих мест — хатагины. Имен родовых сахьюсов[2] не знает. Основное божество хошунного монастыря — Лхамо. Семья информатора имела своим личным сахьюсом Лхамо.

Каменных баб в здешних местах информатор лично не видел. Слышал, что они очень древние, но кто их поставил, не знает. На Матад-обо кладбища местных тайшей нет. Их хоронили к востоку

[2] Сахьюс — божество-покровитель.

от сомона. Никаких там каменных куч и других обозначений нет. Случаи установки субурганов на обо ему неизвестны. Огня он не почитал, но таких людей знает.

Информатор Наван, халха, род — хатагин, 68 лет, до 1939 г. был ламой-гелонгом Чойра-дацана хошунного монастыря, потом настоятелем монастыря Алтан очир. В хошуне были четыре монастыря: 1) Алтан очир — на юго-востоке, в местности Могойт, его сахьюс — Лхамо; 2) Мэргэн бандидо — на востоке от центра хошуна; 3) Араин хамбо — на севере; 4) Чойнхор равжалин, главный хошунный монастырь — на юге.

Возле каждого монастыря была своя священная гора, и на её вершине — обо. У монастыря Алтан очир — гора Баян Дэлгир, её сахьюс — Лхамо. У монастыря Чойнхор равжалин — гора Матад уул, на ней находилось Матад-хан-обо. От монастыря не сохранилось ничего, но обо существует.

Хатагины были основным населением хошуна, Матад-хан-обо было их основной святыней. Празднование обо Баян-Дэлгир падало на конец августа — начало сентября, после хошунного. Зимних праздников на обо он не знает. Приносили в жертву «Девять белых» (овец, коней, верблюдов) горе Матад-хан, выпрашивая счастья на весь год до следующего праздника. Этим завершался летний цикл обо. Названий 23-х окрестных хошунных гор он не знает. Матад — слово тибетское, что оно означает, не знает. Субурганы на обо обычно не возводили, он впервые об этом слышит. В его монастыре и хошунном главном монастыре хубилганов не было. Все обо, какие он знает, были воздвигнуты до его рождения. Новых при нем не воздвигалось, и связаны ли они с какими-либо кладбищами или могильниками, об этом он не знает.

Обычай сооружения индивидуальных обо раньше не существовал. Его личный идам[3] — Лхамо, сахьюс его семьи — тоже Лхамо. Похороны простых лам не отличались от похорон простых людей. Больших лам хоронили в специальной усыпальнице на территории монастыря. Тела их усыхали, затем их бальзамировали, потом помещали в специальный ящик. Ежегодно в память о таких ламах устраивались хуралы.

[3] Идам — в мифологии ваджраяны божество-покровитель, олицетворение качеств просветленного ума.

Каменное изваяние, имеющееся недалеко от сомона, о нем мы узнали от археологов из отряда Окладникова, по его мнению, изображает нойона, но в какое время и какой народ его поставил, он не знает. Каждый год в начале сентября забивают барана и преподносят своему семейному сахьюсу его грудинку (пока идет беседа, разглядываю, что находится в юрте: на жертвенном столике горит лампадка, никаких икон и иных изображений нет, но зато лежат книги). О дне подношения личному сахьюсу гадают у ламы. Лама называет наилучший для этой цели день. На обо Баян-Дэлгир женщинам не разрешалось подниматься. Но на службе в монастыре в честь Лхамо, главной богини монастыря, им присутствовать разрешалось. Случаев нарушения женщинами запрета не было.

18 сентября. С утра на лошадях вдвоем с Бадамхатаном едем на обо Матад-хан, 15 км к западу от сомона. Это мой первый опыт верховой езды, прямо скажем, не очень удачный. Матад-хан-обо представляет собой кучу камней высотой 3,5–4 м, от которой на запад и на восток отходят две гряды (или два вала) камней. С южной стороны находится жертвенник — плоская плита, на которой лежат деньги (металлические монеты), битые и целые бутылки архи, свежие бараньи головы с солидными кусками мяса, конфеты, сыр арул. Общая протяженность вала 48–50 м (как выяснилось вечером, необычная форма обо объясняется тем, что пять лет назад все 13 куч камней были соединены в эти два вала). Верх обо образуют несколько прутьев тальника, скрепленных похожим на опрокинутый табурет сооружением, на них висят хи-морин и просто куски полинявшей ткани. Тут же несколько ярких бронзовых триратн (буддийский термин, означающий три сокровища данной религии — Будда, дхарма, сангха).

(Бадамхатан, проводивший несколько лет назад исследования среди этнической группы боржигинов, сделал некоторые добавления к тому, что мы увидели: у боржигинов центральная часть обо называется латаа. Это большое помещение, в которое закладываются плитки чая, арул, разные предметы. Иногда это помещение бывает столь большое, что человек может в него войти).

19 сентября. Информатор Намжилын Таргад, 70 лет, рода своего не знает, халха. Был ламой в Цордже-сумэ, в должности унза-

та[4]. Главное обо его монастыря называется Баян-Дэлгир. Отмечалось оно в начале среднего летнего месяца. О символике частей света и цвета, им соответствующих, не знает. Слышал, что такая есть. Освящением земли при строительстве монастыря занимались специальные ламы-астрологи, которые подыскивали подходящий участок. Специальной погребальной одежды у лам не было. Как и мирян, их заворачивали просто в белую материю или белый войлок без всякой одежды и хоронили, обычно ногами на восток, головой — на запад. Почему так, он не знает, но обычай был таков. Хоронили с учетом характера местности.

В каждой местности, как правило, имеется своя главная часть — почитаемая горная вершина (толгой). Хоронили в данной местности головой в сторону такой вершины. Если в долине текла река, то хоронили с учетом ее течения: тело покойного сплавляли головой вниз по течению, ногами — вверх по течению.

В этих местах не было случая, чтобы по покойнику носили траурную белую одежду (обычно же, как добавил Бадамхатан, изучавший похоронный обряд у других групп монголов, дядя по матери носит белую траурную одежду, а жена, дочь и другие родственники распускают волосы и не заплетают их в течение 49 дней. Сейчас этот траур длится три дня). Север, юг, восток, запад от юрты покойного для выбора места захоронения не имели значения. Выбиралось оно по иному принципу (см. выше).

Вечером осмотрели местное кладбище. Оно небольшое. Расположено в 1 км на восток от сомона. Одна могила свежая. Накануне были похороны старого коммуниста. Его могила, как и многие другие, выглядит как цементированный саркофаг. Есть могилы, обнесенные железными оградками. В стороне находятся четыре могилы советских граждан, похороненных в 1945 г. У каждого из них на могиле установлен небольшой железный стержень, увенчанный звездой.

Прежняя территория хошуна, существовавшего с 1690 г. вплоть до революции 1921 г., совпадала с территорией нынешнего Матад-сомона. Постоянного оседлого центра этот хошун не имел и назывался он по имени правившего им нойона. С 1923 по 1931 г. он назывался хошун Матад-хан-уул. Нойоны этого хошуна происходили из рода еншибуу. Род этот в «Сокровенном сказании»

[4] Унзат — второстепенное духовное лицо у бурят.

не встречается, но в «Алтан тобчи» и других сочинениях XVII в. упомянут[5].

Возле Матад-сомона находятся две каменные бабы. Одну из них местные жители называют Ловх-чулуу. В 50 км к юго-востоку у развалин монастыря Цордже-сумэ было обо, названное местными жителями как Ловх-обо. Скорее всего, это Баян-Дэлгир, о котором шла речь выше. Каменная баба, по словам Викторовой, сделана из темного туфа и хорошо сохранилась. Вид у нее вполне почитаемого ныне культового объекта: рот вымазан жиром. Лицо прочерчено хорошо, на голове остроконечная шапка, руки только слегка намечены. Вторая «баба», находящаяся в 80 км к востоку, сделана из пористого песчаника желтого цвета, с плохо сохранившейся головой, отбитыми руками, чашей на груди.

20 сентября. Информатор — Долгор, женщина, 72 года, халха, род свой не помнит, род умершего мужа тоже. Говорит, что были два обо на горе Матад-хан: западное Матад-хан-обо, где проводили обряд 23 июня, и восточное Матад-хан-обо, где устраивали праздник 22 июня. Находилось обо недалеко отсюда: если ехать на лошади и выехать с утра, то к вечеру можно приехать.

С правой стороны хошуна — правое обо, с левой — левое. Оба считались главными хошунными обо. Сахьюсов того и другого обо она не знает. Женщинам только до 18 лет разрешалось подниматься на обо. Связано ли это с замужеством или нет, она не знает. Сама хозяйка была маленькой девочкой, когда побывала на этом обо. Помнит, что там был праздник, скачки. Хоронят людей в этих местах головой на северо-запад. Про особую погребальную одежду она ничего не знает.

Если человек умирает, то траур по нему носят 49 дней: родители, дети, дядя по матери. Траур для всех был одинаков. Женщины распускали волосы, мужчины не брились. По прошествии 49 дней на могиле устраивалось поминание.

[5] А. Очир считает, что происхождение группы *еншибуу* (в книге ученого — *еншөбуу*) связано с существовавшим в период монгольского государства Юань ведомством, которое отвечало за внешнее обслуживание двора великого хана и «ведало также делами дворца Цагааннуур, который был местом отдыха и развлечения великого хана. В нем, находившемся недалеко от г. Шанду, разводили и приручали различных зверей и птиц, с которыми охотились монгольские ханы <…> С распадом государства Юань служилые люди Юнь шиу фу вернулись в родные монгольские земли, сохранив название своей группы. С конца XIV до начала XVI в. они находились в составе шести монгольских туменов и назывались *дүн их еншөөбу* (великим *еншөөбу*) [Очир 2016: 80].

Детские обряды: на третий день после рождения ребенка его обмывали, в этот же день давали ему имя. Имя давали мать и отец (а не лама). Почему имя потом меняли в некоторых случаях, она не знает. Девочке стригли волосы первый раз на третий год, а мальчику на пятый год жизни. Волосы нельзя выкидывать. Их заворачивают в хадак и сохраняют в сундуке или вьют из этих волос веревку — чагтага, которая привязана к верхнему отверстию юрты. После первой стрижки девочек никогда уже не стригли, а мальчиков стригли регулярно. Волосы можно бросить там, где лежит скот, — это пожелание, чтобы скота было много.

Раз в год подстригают гривы лошадей и вплетают в чагтага. Волосы из хвоста вплетают в нее также с целью сохранения поголовья скота. Плетут из конского хвоста и специальные веревки, которыми обвязывают юрты снаружи поверх войлочного и тканевого покрытия.

21 сентября. Ночью в гостиницу ломились какие-то русские. Слышался сочный русский мат, поэтому открывать дверь мы не стали. Утром оказалось, что это был советский консул и его компания, ездившие на охоту за дзеренами из Чойбалсана. Сегодня едем из Матад-сомона в Чойбалсан: чинить бак, заправляться бензином. По дороге перекусываем дзереном, которого вчера вечером принес охотник, наш проводник к каменным бабам.

Вечером прибыли в Чойбалсан. Мест в гостинице нет, много постояльцев: приехали артисты из Кобдо (вечером в местном театре идет их спектакль «Легенда о цветочном озере»), экспедиция физиков из Академии наук Монголии и т. д. Мы тут же уехали в Баян-Тумэн (10 км на запад от Чойбалсана) и устроились там в сомонной гостинице.

22 сентября. Викторова с водителем едут в Чойбалсан чинить бак. Я, Бадамхатан и студенты остаемся в Баян-Тумэне. В сомоне почти ни души. Все мобилизованы на уборку картофеля — сомон овощеводческого направления. Прямо за гостиницей тянутся огороженные колючей проволокой огороды. Там растут картофель, капуста, огурцы, лук. В столовой нас кормят молодым картофелем с мясом молодого барашка и свежим луком. Весь день отдыхаем. Стираем наше бельишко на протоках и затонах разлившегося Керулена. Разливы очень большие с той и другой стороны реки — недавно прошли сильные дожди.

Теплая погода, хотя в это время в Монголии уже может быть очень холодно, настроила меня на поэтический лад. За несколько минут родилось стихотворение, одобренное моими монгольскими спутниками:

Мы сидим на берегу Керулена — я, багша, Жанлав и Цэрэна. Солнце нам приветливо светит, ветерок обдувает нас, а вокруг уже сушатся трусики, и рубашки вокруг валяются, и сверкает мыльною пеной Керуленом наполненный таз. Воскресенье сегодня. Поэтому отдыхают багша и Жанлав. Греет пятки на солнце Цэрэна. Я ж о доме родимом в мечтах.

Около 10 часов вечера вернулись Викторова и шофер Миша с отремонтированной машиной. Привезли новости о нашей экспедиции: в военном госпитале Чойбалсана лежит внезапно заболевший дизентерией В. Медведев, сотрудник отряда А. П. Окладникова, а какой-то шофер с автобазы недавно был в Дархане и видел отряд Гришина, ведущий в его окрестностях раскопки.

23 сентября. С утра все возвращаемся в Чойбалсан. Едем мыться в баню на автостанции. Вечером в гостинице происходит знаменательная встреча: венгерский лингвист Лайош Беше и сопровождающий его кореевед из Института истории АН МНР Сумьябаатар. Едут по тем же сомонам, куда собираемся и мы (Даш-Балбар, Баян-Дун). До часу ночи шла беседа о различных проблемах современного монголоведения.

24 сентября. Сегодня наш водитель Миша поставил машину на профилактику перед очередным маршрутом. Очень холодно. Весь день сидим в гостинице. Немного прошлась по городу. Сведения, полученные от консула в Чойбалсане: здесь 20 тыс. монголов, 3 тыс. русских (не считая советского военного городка). Монгольская часть города расположена компактно, занимая территорию бывшего Сан-бэйсын-хурээ и его окрестностей. Развалины бывших монастырских построек почти не используются. Среди них стоят юрты. Иногда, но редко, бывшие монастырские стены встроены в стену нового здания. Основные кварталы города — это юрты, компактно расположенные и окруженные заборами. Есть дома барачного типа, как правило, весьма обшарпанные. Кругом свалки, грязь. Чистая только центральная улица города.

25 сентября. Утром идем в музей. В музее висит картина — карта прежнего Чойбалсана. До революции он назывался Сан-бэйсын хурээ. Автор картины — Б. Гомбосурэн, бывший лама Урд-хурээ Сан-бэйсын хурээ, уже покойный. Гонгор, директор музея, сказал, что от бывшей территории монастыря и его построек ничего не осталось. Ни одного обо по соседству тоже не осталось. Западное обо называлось Тум-улзий, восточное обо называлось Дзангад. Перед входом в главный храм монастыря стоят два деревянных столба на четырехногой опоре с навершием сверху. Этот знак означает разрешение маньчжурского императора на постройку монастыря. Наряду с ним стоит стена с рельефом — ямпэй (такая же есть перед монастырем Чойчжин-сумэ в Улан-Баторе).

Самый интересный экспонат музея — это костюм хамниганской шаманки. Он поступил в музей г. Чойбалсана в 1955 г. из аймачного суда (?).

В этом костюме можно выделить следующие части: 1) халат, распашной посередине, из плотной коричневой ткани, обшитый по краям рукавов и разреза спереди синими полосами; 2) лицевая маска из меди с отверстиями на месте глаз и рта и рельефно выступающим носом; усы, брови, борода сделаны из волоса. Верхняя часть маски обшита полоской кожи, макушка увенчана рогами из железа по 3 рога с каждой стороны (всего 6); 3) на груди изображен скелет позвоночника и по 5 ребер с каждой стороны, прикрепляемых с помощью крючьев к позвоночнику; 4) ниже на левой поле халата пришито медное зеркало (его диаметр — 14 см), лук с натянутой тетивой и стрелой из железа, ниже привешен медный бубенчик (d = 12 см); 5) на правой поле пришиты и держатся на лентах (веревках) чаша, бубенчик, щит (d = 12 см), лук со стрелой поменьше размером и квадрат с отверстием в центре; 6) на плечах свисают из-за спины справа и слева две пятиглавые змеи: одна змея черная, другая — коричневая, на каждой голове два глаза, сделанные из бирюзы, кораллов или стеклянных бус; змеиные хвосты во всю длину костюма свисают сзади; 7) вдоль рукавов пришиты изображения костей руки: предплечье изображает одна линия, локтевую кость — две, оканчивается это пятипалой железной плоской ладонью (9 см); тут же прикреплены наконечники стрел, которые насаживаются на ту стрелу, что вдета в лук, и должны поражать

злых духов; 8) халат снизу обшит бахромой из кожи; 9) на груди с обеих сторон медные маски с прорезанными глазами, носом, ртом (размеры 2,5 х 3 см); 10) вид сзади: длиной в размер костюма идут ленты, прикрепленные к короне, к нижней их части прикреплены колокольчики; 11) при снятии короны обнажается спина костюма. Нашитые лопатки из железа, от которых вниз идут металлические, закрученные по солнцу железные стержни, от двух крайних на уровне таза идут ответвления в бок, которые кончаются кольцами с наборами стрел (1, 2 или 3); такие же кольца нашиты на рукавах и на халате в разных местах; 12) на спине халата и на плече до пояса нашита шкура маленького лесного оленя; 13) в качестве держащей конструкции используются две монеты: Deutsches Reich 1935 г. (на спине под лопатками); 14) бубен из оленьей кожи; сзади крестообразно пресекающиеся веревки; внутри металлические крючья, на них одеты металлические пластины. Бубен овальный, диаметр бубна — 49–54 см, ширина обода — 5 см.

Бадамхатан считает, что это костюм хамниганской шаманки по следующим причинам: 1) разрез халата такой, как у хамниганов (спереди посередине, а не по правому боку, как у монгольского дели). В то время, как у бурят и халха основной халат шамана — это дель / дэгэл; 2) корона имеет разветвленные оленьи рога, это значит, что шаман относится к народу оленеводов, а буряты и халха оленей не знают, стало быть, это хамниганы; 3) колотушка к бубну в своей ударной части обшита оленьей кожей, с фасада к ней прибита гвоздями медная пластинка с тремя кольцами.

Вечерние беседы с монгольскими коллегами — Бадамхатаном и его студентами — не просто пустые разговоры, напротив — получаю много полезной информации, которая может пригодиться в дальнейшем. Стараюсь записать услышанное сразу хотя бы в тезисном варианте.

В гостинице Матад-сомона говорили обо всем: 1. В Хэнтейском аймаке живут светловолосые халха. 2. Согласно «Сокровенному сказанию» у боржигинов были серые глаза. 3. В настоящее время почти утрачено деление юрты на мужскую и женскую половины, в особенности для гостей. Гость садится туда, куда предлагает ему сесть хозяин. Если молодой гость сидит рядом со стариком-хозяином, и в это время в юрту входит более пожилой гость, то

молодой обязан уступить ему место рядом с хозяином. 4. Нельзя проходить перед хозяином, надо пройти к выходу сзади него. 5. Нельзя плевать в юрте — это самое страшное оскорбление. 6. Способов кастрации животных человеческими зубами монголы не знали. Но был известен способ кастрации звериным зубом, который человек использовал в качестве орудия для этого. 7. Даганак — род укротителей молний. 8. Дети от смешанных браков монголоидов и европеоидов в разных монгольских языках называются по разному: в бурятском языке — артемо; в калмыцком — балдр (дословный перевод «полукровка», «метис», в просторечии «ни то, ни сё»); в монгольском — эрлиз, потомок эрлиза — хорлиз (при том не важно, с кем вступил в брак эрлиз — с русским или монголом).

Литература

Жуковская 2018 — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–13.

Жуковская 2019 — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 1. С. 116–133.

Очир 2016 — *Очир Аюудайн*. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов / пер. с монг. яз. на рус. яз. Н. Хишигт; отв. ред. Э. П. Бакаева, К. В. Орлова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.

References

Ochir Ayuudain.[Mongolian Ethnonyms: Origins and Ethnic Compositions of Mongolic Peoples]. N. Khishigt (transl.); E. P. Bakaeva, K. V. Orlova (eds.). Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. 286 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969, the first two weeks of works (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Mongolian Studies. 2018. No. 3 (14). Pp. 4–13. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuation). Mongolian Studies. 2019. No. 1 (16). Pp. 116–133. (In Russ.)

Фото Н. Л. Жуковской (photo by N. Zhukovskaya)

Фото 1. Начальник этнографического отряда с монгольской стороны С. Бадамхатан
[*Photo 1.* Head of the Ethnography Research Team (Mongolia) S. Badamkhatan]

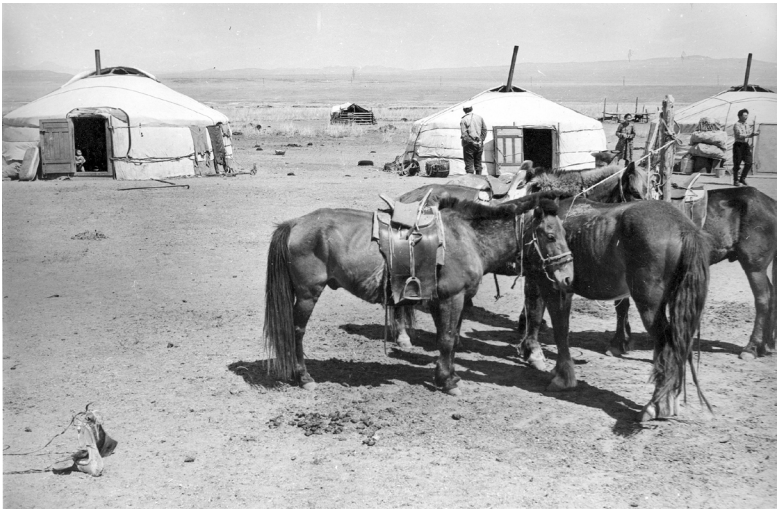

Фото 2. Вид монгольского аила. [*Photo 2.* A view of a Mongolian ail]

Фото Н. Л. Жуковской (photo by N. Zhukovskaya)

Фото 3. Дети и кони в ожидании предстоящих скачек.
[*Photo 3.* Children and horses awaiting forthcoming races]

Фото 4. Подготовка к кочевке. Скоро в путь.
[*Photo 4.* Preparing for a resettlement. On the edge of leaving]